Светлана Алешина

Тихий ужас

Часть сборника

Разгар брачного сезона (сборник)

Светлана Алешина

Тихий ужас

«Научная книга»
1999

Алешина С.

Тихий ужас / С. Алешина — «Научная книга», 1999

«…Через пятнадцать минут «Опель» остановился около девятиэтажки. Громила в кожаной куртке вышел и спокойной походкой вразвалочку направился к подъезду.– Надо бы узнать конкретнее, куда он направляется, – сказал Шумилин.– Сиди здесь, я сама, – Лариса решительно открыла дверцу машины.– Почему ты?– Потому что женщина вызывает меньше подозрений.И она, запахнув плащ, направилась вслед за незнакомцем. Войдя в подъезд и разглядев его поближе около лифта, Лариса невольно вздрогнула. Серые глаза навыкате и сильно выдвинутая вперед челюсть наподобие переда электровоза западных железнодорожных экспрессов не предвещали ничего хорошего тому, кто рискнет остаться с этим человеком наедине. А именно это предстояло сделать Ларисе…»

© Алешина С., 1999
© Научная книга, 1999

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 9
Глава третья 16
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Светлана Алешина
Тихий ужас

Глава первая

«Господи, ну до чего же унылое утро!» – вздрагивая от утреннего озноба, подумала Лариса.

Она ненавидела ноябрь. Это месяц, когда природа находится на последнем издыхании, готовясь встретить суровую зиму, женщины прячутся в осеннюю одежду, которая из-за слякоти на улицах не может выглядеть привлекательно. Роскошные шубы, так выигрышно смотрящиеся на фоне белого снега, надевать еще рано. Словом, радостей в этом поганом месяце мало.

Наверное, поэтому этот месяц является прибежищем Скорпионов. Лариса не любила этот знак, поскольку была убеждена в том, что среди Скорпионов больше всего людей, с которыми трудно ужиться и вообще найти общий язык.

За исключением Стаса Асташевского, друга ее мужа. Он хоть и Скорпион, но для Ларисы всегда являл пример прекрасной души человека и добряка. Правда, у Асташевского было, на взгляд Ларисы, три недостатка.

Во-первых, он сильно пил и, пока ее муж Евгений не переехал в Москву, отрицательно на него в этом смысле влиял.

Во-вторых, Асташевский, как и большинство добрых и толстых людей, был медлителен и чересчур рыхл. В силу этих факторов он представлял собой полный антипод Ларисе – женщине стройной, хрупкой и вместе с тем необыкновенно энергичной.

Ну, а в-третьих, – хотя это можно даже не считать за недостаток – Асташевский любил фильмы ужасов и различные виды киножестокости. Его домашняя видеоколлекция была заполнена Хичкоком, Тарантино и различного рода мистическими лентами о вампирах и вурдалаках.

Евгений Котов как-то по пьяному делу решил исследовать этот феномен и пришел к выводу, что добряк Асташевский смотрит все это потому, что он в реальной жизни не испытывает внутренней агрессивности, что эта его страсть не что иное, как компенсация крена в сторону Добра. Развив эту тему дальше, он привел в пример одного своего знакомого, который был знаменит своей непробиваемой тупостью.

«И что вы думаете?! Эта дубина является поклонником музыки Шнитке и Фриппа, а в футболе болеет за бразильцев! – восклицал он. – И наоборот – знаю я одного щупленького интеллигентика в очках. Буквально ботанический вид у чувака, предполагающий любовь к чему-то прекрасному и изящному! Так он слушает металл и летом носит майку сборной Германии!»

Лариса улыбнулась, вспомнив долгие философствования мужа за бутылкой джина. И мельком глянула на перекидной календарь с видами Нью-Йорка.

– Бог ты мой! У Асташевского завтра день рождения! – вырвалось у нее.

– Да, совершенно верно, мама, – заметила Настя, которая с аппетитом поглощала омлет по-савойски со свиной грудинкой и сыром. – Я думала, ты не забудешь…

Дочь у Ларисы отличалась великолепной памятью на даты и имена. Она помнила дни рождения всех родных и знакомых.

– Спасибо, – поблагодарила Лариса дочь. – В таком случае собирайся, поедем и выберем ему подарок.

Тусклое субботнее утро медленно вступило в свои права.

Лариса надела кожаный плащ и поторопила Настю. Открыв гараж, она обнаружила, что ее серебристый «Вольво-450» заляпан грязью. Лариса поморщилась, ибо не терпела неаккуратности, в том числе и в обращении с автомобилем. Однако заниматься сейчас приведением внешнего вида машины в порядок ей не хотелось, и она со вздохом села за руль.

Двадцатью минутами спустя, припарковав «Вольво» возле Центрального рынка, она закрыла дверцы, дождалась, когда вылезет Настя, взяла дочь за руку, и они вместе направились на площадку перед цирком.

Эта площадка являлась центром городской уличной торговли. Многочисленные лотки предлагали покупателю все, что угодно: от пельменей и вареников до книг, компакт-дисков и видеокассет.

– О, мам, смотри, новая серия мультфильмов! – радостно воскликнула Настя.

– Да? – недоверчиво спросила Лариса.

Она в последнее время старалась не баловать дочь новыми мультиками, поскольку Настя и так вела не слишком активный образ жизни: в школу и из школы – на машине, уроки, а потом телевизор. И у нее стали портиться глаза: в школе на медосмотре врачи сказали, что у девочки прогрессирует близорукость.

– Мам, у меня такой нет! – дергала за рукав Ларисиного плаща Настя.

– Мы с тобой вышли покупать подарок дяде Стасу! – отрезала строгая мама. – Дождись своего дня рождения и тогда будешь канючить!

И, переключившись на молодого парня за лотком, который от холода слегка припрыгивал и переминался на месте с ноги на ногу, спросила:

– Молодой человек, у вас есть какие-нибудь ужасы? Чтобы было много крови, жестокости… – Лариса смущенно посмотрела на парня, словно просила прощения за то, что собирается купить фильм именно этого жанра.

– Сколько угодно! – с готовностью ответил он. – Вот, пожалуйста, смотрите…

И указал на стенд, на котором в ряд выстроились видеокассеты. Их оформление в основном было выдержано в сине-красно-черных цветах. Очень редко встречались желтые проблески, а зеленому и белому цвету в этом ряду вообще место было заказано.

Названия были под стать: «Колдуны из Техаса», «Океан под прицелом», «Роковая пилюля», «Мертвецы из НЛО».

– Вот это мистика, захват чудовищами биржи в Гонконге, это киноэтюд о перерождении нормальных людей в насекомых… Это боевик, достаточно крутой – борьба двух фэбээровцев против инопланетян, вступивших в союз с мертвецами.

Лариса посмотрела на кассету. На ней были изображены типично голливудский благородный мужской тип средних лет и молодой громила с неправильными чертами лица и выдвинутой вперед челюстью. В руках у них были огромные навороченные ружья, которыми они отстреливались от скелетов и каких-то непонятных существ с продолговатыми лицами.

– Лучший фильм прошлого года, – ударился в рекламу продавец, видя, как Лариса рассматривает эту кассету.

«Если это действительно так, то у Асташевского он уже есть», – вздохнула Лариса.

– А может, что-нибудь наше, российское? – спросила она вслух у продавца.

Тот отрицательно покачал головой. На его лице появился скепсис. Конечно, эта дамочка просто от нечего делать пудрит ему мозги, а сама ничего не купит.

Однако что-то в мимике продавца показалось Ларисе неестественным, и она продолжила:

– Совсем ничего?

– А вам действительно нужны крутые ужасы? – вдруг спросил продавец, сконцентрировав свой доселе блуждавший по сторонам взгляд прямо на Ларисе. Затем он оценивающе посмотрел на ее одежду и во что была одета Настя.

– Конечно! – ответила она со всей искренностью, на которую была способна.

– Вообще-то есть кое-что, – взгляд продавца снова стал блуждающим. – Но это дорого стоит…

– Сколько?

– Двести за кассету, – рассматривая соседний лоток, сказал продавец.

– Что же это за фильм, который может стоить такие бешеные деньги?

– Модное направление, антихеппи-энд. Пошло от американцев, сейчас развивается у нас. Поскольку такое кино, как бы это сказать… несколько элитарно, то расходится только среди любителей. Но своих денег стоит.

– Что же там такое? – продолжала удивляться Лариса.

– Я же говорю – антихеппи-энд, жесткое, даже жестокое кино. Все снято очень натурально. Но… – продавец помедлил и снова вперился взглядом в Ларису. – Вам действительно нравятся ужасы?

– Обожаю, – Лариса постаралась, чтобы ее улыбка была одновременно смущенной и вызывающей.

– А двести рублей не пожалеете?

– Смотря за что! – В Ларисе заговорила практичная и хваткая женщина.

– Кто берет кассеты, остается довольным и приходит снова.

– А как называется фильм? – спросила Лариса, надеясь на то, что она вспомнит названия, которые она видела на полке у Асташевского, чтобы сравнить.

– «Мясо», – коротко выстрелил продавец.

Лариса задумалась. Название было кратким и запоминающимся. Наверняка она бы запомнила его, тем более что оно контрастировало со стандартными и набившими оскомину «Беглецами», «Погонями», «Двойными ударами» и «Местями в полночь».

– Покажите кассету.

Продавец еще раз внимательно посмотрел на покупательницу и полез под прилавок. Он вынул оттуда обычную видеокассету с наклейкой. На ней были изображены какие-то люди в масках и окровавленный человек с перекошенной физиономией. Картинку, выдержанную в темных тонах, наискось пересекала надпись «МЯСО». С каждой буквы ручьями стекала кровь. Кроме того, в углу Лариса увидела дымящуюся женскую промежность.

– Ну что, впечатляет? – спросил продавец, хотя по картинке вряд ли можно было составить какое-то впечатление о фильме.

– Ладно, – решилась наконец Лариса и полезла за деньгами в сумочку.

Уже отдавая две сотенные бумажки продавцу, она спросила:

– А если мне не понравится?

– Если вы действительно любите ужасы, то не понравиться вам не может, – парень сделал акцент на слове «действительно». – Вот увидите, режиссер, который снимал этот фильм, через несколько лет будет котироваться на уровне Хичкока.

Лариса недоверчиво посмотрела на продавца, засунула кассету в пакет и отошла в сторону.

Они вместе с Настей прошли насквозь Центральный рынок, и Лариса сделала необходимые покупки для приготовления фаршированной утки, которую вместе с видеокассетой собиралась преподнести Асташевскому. В прошлом году она готовила ему на день рождения бараньи почки в хересе, и все гости были в восторге.

Да, жалко, конечно, что не будет Евгения. Он звонил из Москвы и с сожалением выдавил из себя признание в том, что дела несколько пошатнулись и требуют его присутствия в Москве. Он кислым голосом просил передать своему другу поздравления с днем рождения и пообещал компенсировать все на вечеринке в свою честь, которая также была не за горами. Евгений в этом декабре должен был отметить свое тридцатитрехлетие.

Вернувшись домой, Лариса с Настей пообедали, и после этого мама отправила дочь в свою комнату и строго-настрого запретила ей включать видео.

Сама же она прошла в свою комнату и всунула купленную кассету в видеомагнитофон. Лариса раздумывала, стоит ли ее вскрывать – все-таки неудобно дарить в «пользованном» виде, – но после некоторых раздумий решила перед вручением кассеты все же оценить картину сама. Мало ли что там может быть!

И еще одна мысль не давала ей покоя – каким должен быть фильм, чтобы за него можно было отдать целых двести рублей?!

Внутренне настроившись и поколебавшись еще немного, Лариса решительно нажала на кнопку «PLAY».

Глава вторая

После непродолжительной ряби на экране возникло лицо в резиновой маске.

– Человек – это звучит гордо? – тоном, полным яда и недоверия, спросила маска.

– Человек – это верхняя ступень эволюции природы? – Маска слегка ухмыльнулась.

– Человек – это семьдесят килограммов мяса!

Последняя фраза была усилена мощной реверберацией. Маска застыла в неподвижности и через несколько секунд сменилась черным фоном, сквозь который прорезались контуры самолета, пикирующего с огромной высоты на землю.

«В… В… С…» – появились буквы, и каждая из них сопровождалась звуком пистолетного выстрела. Самолет тем временем достиг земли и с грохотом взорвался.

«Союз Веселых Вегетарианцев в сотрудничестве с Фроузен Продакшнс представляет…» – зазвучал помпезный голос за кадром. – Фильм Виталия Мороженого… «МЯСО»!

Зазвучала какая-то дьявольская какофония. Прислушавшись, Лариса поняла, что это нарочито неправильно сыгранный «Марш авиаторов» – «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!».

На фоне крови, костей, черепов, топоров, пил, крыс и прочих атрибутов ужасов пошли титры.

«Дмитрий Ш., Елена Б., Яков К. в роли Фаната», – гласили они. Причем все имена актеров были обведены траурными рамками.

«Да, самое начало выдержано вполне в авангардистском духе», – подумала Лариса. Откровенно говоря, она не являлась поклонницей интеллектуального замороченного кино, однако в кинематографе разбиралась. Неплохой прикол насчет траурных рамочек… Вроде бы нигде больше такого замечено не было.

– Она сильно орала? – спросил замызганный мужичок с седыми не чесанными, наверное, год волосами и отвратительной небритостью у молодого, почти лысого парня с отвислой губой и бессмысленным дебильным взглядом.

– Ну ды… – ответил тот, выпятив вперед челюсть и сплевывая на пол грязной кухни. – Особенно когда я ее в задницу пер… Оно и понятно, не разработанная была. Целочка…

– Ну, а потом? – спросил пожилой, и на губах у него выступила слюна.

– А потом я ей ножом дупло вскрыл, глаза у нее закатились, и она сдохла. Черт! Не успел груди отрезать по-живому! А там был третий размер, к тому же плотненькие такие, сочненькие…

И он, вынув из полиэтиленового мешка две груди с уже запекшейся кровью, бросил их на кухонный стол.

Старик начал их придирчиво рассматривать.

– Ну, правильно, – сиплым голосом согласился с молодым ханурик. – Она же не рожала…

Камера тем временем дала крупный план брюк пожилого мужика, которого Лариса уже про себя окрестила «бомжем». Ширинка была расстегнута, и из-под нее виднелись бывшие когда-то белыми трусы. Они были заляпаны чем-то желто-коричневым. Постепенно изнутри начало выдвигаться нечто, и когда-то белые трусы высунулись наружу.

– Ого! Ну ты, Потнюк, даешь! – восторженно воскликнул молодой. – Пора ехать.

– Так… Это… – что-то неопределенное просипел Потнюк. – Ты, Фанат, так красиво говоришь.

– Ладно, потопали, а то время уйдет – уже восемь.

– Куда двинем-то?

– Как куда?! На поляну, конечно! Твоя ракета средней дальности вышла из шахты…

Сцена на кухне как бы разбилась на мелкие кусочки, и в следующем кадре возникла настоящая «СС-20», которая медленно принимала вертикальное положение, готовая полететь с полигона где-то в степи в цель. Подняв клубы пыли и дыма, она наконец вылетела из шахты и исчезла в атмосфере. В следующее мгновение она взорвалась в основании парижской Эйфелевой башни, точно попав в самый нижний ее овал. Башня рухнула.

Лариса вздохнула. «По-моему, будет просто порно», – подумала она. Хотя, видимо, какое-то изощренное, с массой аллегорий и аллюзий…

Звук взрыва перешел в истошный женский крик. Молодая хрупкая девушка с хвостиком русых волос испуганно жалась к окну заднего сиденья автомобиля. Рядом с ней противно ухмылялся тот самый сиплый мужик по кличке Потнюк, простирая к ней свои руки. Оператор дал крупным планом верхние конечности, и зритель мог увидеть, что пальцы его почти без ногтей, скрюченные и очень грязные.

– Я не хочу с ним, – тем временем сквозь рыдания простонала девушка. – Мы так не договаривались!

И снова закричала, поскольку Потнюк заправил свою замшелую пятерню ей под юбку. Камера дала крупным планом миниатюрные белые стройные ноги девушки.

И вдруг она изловчилась и маленькой ручкой заехала бомжу по физиономии.

Лариса, которая уже почувствовала напряжение, сидя у видика, подсознательно желала, чтобы девушка на экране разбила эту поганую рожу в кровь.

Однако этого не произошло. Потнюк отшатнулся и грязно, четырехэтажно выругался. А с переднего сиденья в кадре появилась рука, которая коротким тычком заставила девушку замолчать и схватиться за лицо. Руки ее тут же были сброшены вниз, а в углу рта появилась кровь.

Лариса отметила высокое качество съемок. Крупные планы давались очень натуралистично, а пленка высвечивала малейшие детали человеческого тела.

План тем временем на экране сменился, и взору Ларисы предстала компания четырех людей в коричневых масках со странными знаками отличия на одежде – что-то среднее между свастикой и звездой Давида. Это были трое мужчин и одна женщина. Они обменялись фразами насчет того, что сейчас собираются делать, затем все хлопнули друг друга по рукам наподобие того, как это делали четыре мушкетера, и, выпив за удачу дела, покинули помещение, в котором находились.

Потнюк с Фанатом наконец доехали до места, куда направлялись, и вытащили упирающуюся и сопротивляющуюся девушку из машины. Они поволокли ее внутрь какого-то здания, по размерам большого помещения которого можно было подумать, что это общепитовская столовая, только без столов и стульев.

В углу помещения стояла большая кровать. Фанат ударил наотмашь девчонку и, когда она упала на кровать, стал в ярости сдирать с нее одежду. Она отпихивалась от него, насколько это было в ее силах, но Фанат пару раз ударил ее по лицу и в область почек, и она практически прекратила сопротивление.

– Зачем ты это делаешь? – сдавленно спросила уже совершенно голая девица, отдышавшись и наблюдая за тем, как Фанат расстегивает ширинку.

– Ненавижу проституток! – отплевываясь, снизошел до объяснения Фанат.

– Я не буду больше проституткой! Может быть, вы отпустите меня? – Девушка умоляюще заглядывала в глаза своих мучителей.

Ответом ей послужили дьявольские улыбки обоих преступников. У Потнюка изо рта продолжала стекать слюна.

Фанат тем временем вынул из кармана своей рубашки какую-то пилюлю и засунул ее себе в рот. Несколько секунд он стоял как завороженный, закрыв глаза. Затем по его физиономии разлилась блаженная улыбка, и он быстро снял трусы.

– Потнюк! – призывно скомандовал он.

Бомж подошел к нему с линейкой и стал замерять его член. Камера крупным планом свидетельствовала, что его величина равна двадцати трем сантиметрам.

«Какой кошмар!» – ужаснулась Лариса и с жалостью подумала о девчонке, которая лежала на кровати.

Фанат оттолкнул Потнюка и полез к девчонке. Защелкнув на ее руках цепи, которые болтались по обе стороны кровати, он грубо раздвинул ей ноги и резким движением загнал свой двадцатитрехсантиметровый монстр внутрь.

Девчонка вскрикнула от резкой боли, однако Фаната, видимо, это только лишь возбудило, и он стал активно и вместе с тем деловито двигаться.

Все время, пока продолжался половой акт между Фанатом и девушкой, Потнюк сидел и пытался возбудить свой отвратительный мясного цвета, вялый отросток.

Действие происходило под издевательский аккомпанемент «Истории любви» Франсиса Лея, сыгранного на расстроенном фортепиано в сопровождении фальшивящей скрипки и бьющих невпопад ударных.

«Да, это просто жесткое порно! – возмущенно выругалась Лариса. – Что мне подсунул этот гад?!»

Фанат кончил довольно быстро. Он рывком поднялся и надел рубашку, звериным взглядом рассматривая свою жертву.

Камера дала крупный план лица девушки. Тушь и помада были размазаны по ее довольно симпатичному личику. На вид ей можно было дать лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Она начала тихо материться. Затем кадр как бы сменился, как это часто делают при монтаже интервью, слепляя нужные куски речи. Девушка приподнялась на кровати и громко крикнула:

– Ты – животное!

«Вотное… вотное…» – отозвалось эхо реверберatора, кадр помутнел, и сквозь туман возникло лицо в резиновой маске. Оно улыбалось, напоминая улыбку знаменитого Гуинплена, человека, который смеется.

«70… КГ. ЦЕНА 00–00», – возник на экране обычный ценник. Следующий кадр показал огромного, широкоплечего мясника, который с размаха рубил туши мяса и небрежно скидывал их на прилавок.

Фанат тем временем подошел к девушке, освободил ее руки от цепей и грубо швырнул на пол. Затем взял за волосы и поволок наружу. В дверях он внезапно остановился, как будто о чем-то вспомнил, плотоядно улыбнулся… И посмотрел вверх.

Там, наверху, была галерея, на которой, в красочной блестящей одежде, с короной на голове, и находился человек в резиновой маске. На его халате Лариса заметила крест, полумесяц, звезду Давида, зороастрийскую свастику, еще какие-то иероглифы. Все это, видимо, должно было символизировать единство всех религий.

Он поднял руку и резко опустил большой палец вниз, как это делали римские зрители на гладиаторских боях.

Фанат отвесил «резиновому» поклон и наступил лежащей на полу девушке ногой на грудь. Затем расстегнул ширинку и с улыбочкой помочился на ее лицо.

В следующем кадре возник вольер – маленький, размером три на три метра, освещенный большим прожектором. Туда и бросили девушку и спустя некоторое время запустили большого дога.

– Что они делают?! – вслух воскликнула Лариса.

Видимо, интонация была настолько эмоциональной, словно она сама была на месте этой несчастной, что дверь открылась и в комнату с широко открытыми глазами вбежала Настя.

– Мам, что случилось?

Лариса порывисто схватила пульт, нажала сначала «паузу», а затем вообще перевела видик в положение «Standby».

– Ты что, мама, сама с собой разговариваешь? – спросила Настя.

– Да, совсем мама старая стала… – с трудом пошутила Лариса, глядя на дочь честными глазами.

Ответ Настю слегка ошарашил, она несколько секунд недоверчиво смотрела на мать и медленно вышла из комнаты.

Лариса встала и закрыла дверь на ключ. Вернувшись в кресло, она закурила и начала думать, что же ей делать.

Нет, кассету все же надо досмотреть до конца. Если так пойдет дальше, то Асташевскому ее вручать нельзя. Он хоть и любит различного вида жестокости, но, если дело ограничится порнографией, это не будет ему по вкусу. И она снова включила видеомагнитофон.

«Вместе весело шагать по просторам, по просто-рам, по просто-рам!» – неожиданно возник на экране трепетно поющий пионер семидесятых Сережа Парамонов в сопровождении оркестра под управлением Юрия Силантьева.

«Ну а девку отодрать лучше хором, лучше хо-ром, лучше хо-ром!» – спел вторую музыкальную фразу нестройный ансамбль пьяных грязных мужиков.

Затем картинка сменилась, и под тот же аккомпанемент девчонку, которую держали за руки Потнюк и Фанат, подтащили задом к догу. Собака всем своим видом выразила нетерпение и, взобравшись лапами на спину девушки, начала прилаживаться…

Потнюк тоже расстегнул штаны и, сдав бедную девушку на попечение одного Фаната, пододвинул свои грязные гениталии к ее лицу. Ларисе, которой особенно была противна эта сцена, показалось даже, что в его волосне зашевелились какие-то насекомые.

– Соси! – прохрипел он.

Девчонка отвернулась, однако после пары стимулирующих ударов Фаната в лицо она, преодолевая отвращение, прикоснулась губами к чреслам бомжа.

К горлу Ларисы подступила тошнота. Словно отвечая на ее чувства, камера поехала выше и спустя несколько секунд показала довольную морду Потнюка.

Тем временем девушку вырвало. Видимо, насчет насекомых Ларисе все-таки не показалось… Дождавшись, пока приступ тошноты пройдет, Фанат тряпкой вытер ей лицо и приказал:

– Соси!

Собака тем временем активно двигалась сзади.

«Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка!» – соловьем разливался Сережа Парамонов. «Раз поглубже, два поглубже – будет тес-нень-ко!» – отвечал ему все тот же ансамбль мужланов.

Оператор сменил план, и…из огромного мужского члена прямо на камеру брызнула серая грязная жидкость. За этим последовал кадр, где толстая баба в засаленном халате выливала помои тоже на камеру. Впечатление было такое, что даже не на камеру, а зрителю в лицо. Мутно-молочные струи потекли вниз.

Аллегория закончилась, и действие фильма продолжилось. Дог наконец удовлетворился и дал себя оттащить от девчонки. Потнюк долго не мог извергнуть свое поганое семя, и было видно, что оператор несколько раз «склеивал» кадры. Наконец он издал хриплый сдавленный звук, уже стоя на коленях, и его сперма смешалась со слезами несчастной.

Но это было ничто по сравнению с тем, что случилось потом. Следующий эпизод потряс Ларису до глубины души.

Закончив мучить девчонку в вольере, ее снова перебазировали на ту же кровать, где все начиналось, и опять приковали к цепям. Показали, что на улице разведен костер.

Фанат подошел к девушке, которая скорее всего уже мало что соображала. Вылив ведро воды ей на голову и отхлестав по щекам, он привел ее в чувство.

– Тебя, говоришь, Лена зовут?

Этот простой банальный вопрос очень обрадовал несчастную. Видимо, потому, что он хотя бы чуть-чуть напоминал что-то нормальное, человеческое. То, что с ней делали последние часы, таковым назвать было нельзя.

Она, вытаращив на Фаната свои серые глаза, утвердительно кивнула. В глазах застыла надежда на то, что эти люди, покуражившись, наконец-то перестанут ее мучить и потом все будет более-менее хорошо.

– Мне не нравится это имя! – Фанат выгнул ей ноги таким образом, что вся она как бы сложилась пополам.

Камера дала крупным планом женское чрево. Оттуда струйкой стекала сперма.

– Потнюк! – приказным голосом заорал Фанат.

– Сейчас, – просипел тот и внес в помещение горящую головешку, держа ее в металлических щипцах.

– Держи ей ноги, – сказал Фанат, принимая у него щипцы.

– А-а-а-а! Нет! Не-е-е-е-т! – истошно закричала девушка, тщетно пытаясь вырваться от Потнюка, который заложил ей ноги за голову и прижал к кровати.

Фанат все с той же дьявольской улыбкой медленно поднес головешку к раскрытости и, приноровившись, резким движением всунул ее внутрь.

Послышался дикий крик. Глаза девушки закатились и стали безжизненными, изо рта потекла кровь. Немного погодя камера дала промежность и сквозь дым выхватила коричневое пятно, которое стало расползаться по простыне.

– Обкакалась, блин… – хладнокровно прокомментировал происшедшее Фанат.

Лариса долго не могла отдышаться. Она поставила фильм на паузу и молча сидела в кресле, вцепившись в его ручки. Смотреть дальше ей не хотелось. Да, стало страшно. Действительно, может быть, для любителей ужасов это круто и стоит двести российских рублей.

Лариса выкурила еще одну сигарету и вдруг почувствовала, что зрелище ее захватило. Несмотря на то, что она внутренне негодовала и восклицала: «Какая гадость!», где-то в глубине подсознания таилось желание досмотреть фильм до конца.

Насупившись и приготовившись сопереживать дальше, она нажала на пульте кнопку «Пауза».

– Ну что, все, что ли? – спросил Потнюк у Фаната, кивая на девушку.

Тот подошел к ней и взял за руку.

– Ну ды, – сплюнув через зубы, ответил он. – Пульса нет.

И, внезапно схватив топор, он со всей силы рубанул им по шее мертвой. Голова отделилась от туловища.

«Палач из него вышел бы превосходный, – неожиданно подумала Лариса. – Одним ударом не каждый сможет…» Она вспомнила «Двадцать лет спустя» Дюма, где Карл I умолял палача убить его сразу. И еще… Она поймала себя на мысли, что, наблюдая за всем этим, у нее постепенно вырабатывается своего рода иммунитет на ужасы и она уже в силах даже слегка пошутить над всем происходящим. В конце концов – это виртуальный мир, кино…

Взяв окровавленную голову в руки, Фанат подошел к Потнюку и бросил ее ему на колени. Тот в испуге отшатнулся.

– Ты что? – просипел он.

– Я-то? – На лице Фаната снова возникла уже знакомая улыбочка. – Я – ничего…

И неожиданно в его руке возник нож, которым он резко двинул Потнюку прямо в шею. Тот отчаянно захрипел и взмахнул руками, пытаясь сопротивляться. Однако Фанат вынул нож из шеи и нанес второй удар, в область сердца.

Потом, отпихнув голову убитой с колен уже мертвого Потнюка, в исступлении начал полосовать ножом по всему телу своего недавнего партнера по преступлению. Все это сопровождалось жутким матом. Временами Фанат устраивал какие-то ритуальные танцы вокруг

трупа, который с каждой минутой становился все менее похожим на человека. Он действительно превращался в мясо.

Возникла фигура «резинового бога», который бесстрастно наблюдал за происходящим сверху, с галереи, задумчиво поднеся руку с большим черным перстнем к лицу.

Камера переместилась на улицу, где показался автомобиль «Ауди», из которого вылезла вооруженная до зубов команда людей в масках. В руках у них были автоматы, на поясе висели ножи, а один из них тащил куб из оргстекла. Камера дала крупный план, и Лариса инстинктивно отшатнулась. В кубе копошились крысы. Их было, наверное, с десяток.

Тем временем Фанат продолжал неистовствовать. Он взял топор и принялся расчленять труп бомжа, обмазывая всего себя кровью. Он дико хохотал и ругался матом.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге возникла «команда мстителей». Лариса уже поняла, что люди в масках приехали, чтобы довершить серию убийств. Судя по времени фильма, именно сейчас должна была развернуться финальная сцена.

И она развернулась. Фанат, почуяв недоброе, раздумывал секунду-другую, а потом с криком бросился наутек. Один из «мстителей» вскинул руку с пистолетом и выстрелил ему в ногу. Когда Фанат упал, люди в масках подбежали к нему и скрутили.

Его подвесили на дыбу. Затем один в маске взял отрубленную голову девушки и засунул ее в мешок, который поставил вплотную к кубу. Он приоткрыл куб, и крысы ринулись из куба в мешок. Затем он накинул мешок снизу на ноги Фаната и завязал его. Через несколько секунд тот взвыл.

Послышался жуткий мат: «Суки! Падлы! Так и знал, б..! Так и знал! А-а-а!»

Видимо, крысы принялись за свою работу, жадно впиваясь своими острыми зубами в ноги Фаната, который не мог этому воспрепятствовать.

А люди в масках устремили свой взгляд наверх. «Резиновый бог» двинулся в сторону лестницы. Сойдя вниз, он как бы благословил каждого из «мстителей», положив по очереди свою руку им на плечо.

Голос за кадром глумливо констатировал: «Советский цирк – самый гуманный в мире!» Послышались звуки традиционного циркового дивертисмента. Музыка заглушила то, о чем кричал Фанат, указывая головой на «резинового» и раздавая плевки во все стороны.

На него обратила внимание только женщина, которая сняла с себя все, кроме маски, и начала отчаянно мастурбировать. Видимо, режиссер хотел показать, что вид того, как прощается с жизнью Фанат, ее очень возбуждает.

А мужчины принялись собирать то, что осталось от Потнюка, и транспортировали человеческую плоть на большой деревянный стол. Один из людей в масках посмотрел на «бога» и, увидев его одобрительный кивок, принялся орудовать топором и ножом, разделывая мясо, давая крови стечь с каждого куска.

Некоторое время спустя красное человеческое мясо было разрезано на маленькие кусочки и нанизано на шампуры. Тот самый костер, который разжигал Потнюк, стал для его плоти последним прибежищем. Вдруг один из четверки «мстителей» что-то вспомнил и с улыбкой подошел к Фанату, который с выпученными глазами висел на дыбе, осознавая, что сейчас медленно лишается ног. Человек в маске большим ножом вспорол материю его брюк и брезгливо распорол появившиеся вслед за ними трусы.

Взгляд Фаната стал обреченным. Его поникший, бывший совсем недавно аж о двадцати трех сантиметрах и наводивший ужас на женщин стручок после одного резкого удара ножа оказался в руках у человека в маске. Фанат испустил такой истошный вопль, что заглушил даже бушевавший во всю мощь музыкальный ряд – дивертисмент сменился к тому времени Гершвином.

Совершивший эту операцию поднял вверх окровавленную плоть как факел и стал откровенно позировать перед камерой. Затем он повернулся снова к Фанату, голова которого уже

безжизненно повисла, рывком за волосы поднял ее и под аплодисменты присутствующих засунул ему его же член в рот.

Женщина задергалась в конвульсиях оргазма.

Завершился фильм каннибальским пиром, в котором приняли участие четверо людей в масках. Человек в резиновой маске отошел в сторону и устремил свой бесстрастный взгляд на четверку.

Те же достали большую бутыль вина, разлили его по кубкам, которые были сделаны из человеческих черепов, и сняли маски. Под ними, как ни странно, оказались вполне нормальные человеческие лица. Выделялся лишь один, с сильно угристым лицом и маленькими хищными глазками. А женщина оказалась приятной натуральной блондинкой, достойной любого голливудского фильма.

Все они весело засмеялись, сведя кубки вместе так, что вино расплескалось на стол. Под их чавканье, с которым они поглощали зажаренное мясо поверженного врага, вдалеке возникла маленькая точка, которая постепенно превратилась в большую надпись «THE END».

Последний кадр гласил, что авторские права на фильм принадлежат некоей фирме Frozen productions и снят он в 1998 году.

Глава третья

Лариса в ту ночь долго не могла уснуть. Она ворочалась с одного бока на другой, и постоянно в ее памяти возникали картины просмотренного днем фильма.

«Да, однако действует на психику-то», – думала она. Вроде бы обычное грязное кино. Но что-то не давало ей покоя. Она не могла понять – что. Почему-то перед ней особенно ярко стояла фигура бомжа, того, чья кличка была Потнюк.

Где-то она его видела… Но где? Или, может быть, просто он ей кого-то напоминает?

Лариса включила ночник и встала с кровати. В комнате было душно. Хотя на улице стоял ноябрь и погода была холодной и промозглой, Лариса решила открыть окно.

В комнату ворвался неприятный ветер, от которого очень скоро ее зазнобило. Но и закрывать окно не хотелось. Ларисе даже показалось, что будет пахнуть горелым человеческим мясом, тем самым, от шашлычков, которыми баловались людоеды в финальной сцене шедевра Виталия Мороженого.

Она начала вспоминать, как пахнут покойники. Последний раз она была на похоронах дяди. Он умер в ужасную жару и очень «испортился» на третий день, когда по всем православным канонам и полагается предавать тело земле. Многочисленные тетушки зажимали носы и лица платками, заходя в комнату, где лежал закрытый гроб дяди, но все равно едкий запах разлагавшейся плоти проникал в носоглотку и щипал глаза.

«Господи! Да у меня, кажется, поехала крыша!» – зло подумала Лариса и в отчаянии топнула ногой. Раз уж пришли такие видения, то точно ей не уснуть до утра. И надо же было ей выбрать эти ужастики! Уж лучше полистала бы кулинарную книгу, приготовила какое-нибудь фирменное блюдо и преподнесла бы его Асташевскому с большой помпой. И все были бы рады, и именинник, и его гости, да и ей бы досталась масса комплиментов!

А тут… Нет, Стасу это дарить нельзя. Пускай он любитель ужасов, но все же может неправильно понять. К тому же все-таки день рождения.

Или все же подарить?

Лариса почувствовала, что в рассуждениях и мыслях начинает напоминать самую обыкновенную мещанку, кошелку. Неуверенность, противоречия самой себе, излишняя эмоциональность…

«Стоп, Лара!» – сказала она самой себе. – Что такое с тобой творится? Ну-ка, быстро взяла себя в руки!»

И как только она произнесла эти заветные слова, то вдруг поняла, кого напоминает ей Потнюк. Как ни странно, но он очень был похож на ее одноклассника, Мишу Шумилина. Если побрить, убрать седину с головы и не обращать внимания на осипший голос.

Лариса тихонько вышла из спальни и направилась в гостиную, где стоял видеомагнитофон. В доме было тихо и спокойно. Только слышно было, как капает вода из водосточной трубы.

Она подошла к видику, борясь со своей нерешительностью и каким-то подсознательным страхом.

Перемотав кассету на то место, где лицо бомжа было дано наиболее крупным планом, она нажала на паузу и стала внимательно его рассматривать.

«Да, этот характерный загиб носа, эти маленькие глазки…» Удивительно, однако! Мишка был нормальным парнем, правда, не очень выдающимся, но все же, насколько она его помнила, безо всяких отклонений. И тут такое сходство!

Лариса залезла в ящик и вынула оттуда старые фотографии. Вот ее десятый класс, за месяц до выпускного бала, на который она надела белое платье из парчи. Оно и сейчас находится в ее гардеробе, единственная вещь, оставшаяся с тех самых юных, доперестроечных лет.

До жены «нового русского», до этих роскошных апартаментов нужно было еще пройти университет, первую любовь, брак, съемные квартиры, пеленки Насти, бессонные ночи, безденежье в то время, когда Евгений прозябал в НИИ…

Лариса посмотрела на себя в зеркало. Конечно, годы берут свое. Но, с другой стороны, та худенькая и в общем средняя по внешности девчонка уступает ей сегодняшней просто даже потому, что на голове у Ларисы прическа, сделанная лучшим парикмахером города, потому что та Лара из десятого «А» была еще глупенькой и наивной, потому что наконец она на своем опыте убедилась, что женщина больше привлекает мужчину не внешностью, а определенным стилем, манерой поведения.

Но… Что-то она много внимания уделяет своей персоне. Где он, Миша Шумилин? Ах да, вот он в последнем ряду. Высокий, прямые русые волосы, чуть насмешливый взгляд. Он, кажется, хотел поступать в экономический… Но… Нет, не может вспомнить Лариса ничего о его дальнейшей судьбе. В первую субботу февраля, когда встречались бывшие одноклассники, Лариса иногда посещала школу, но с каждым разом одноклассников становилось меньше, а Мишки так вообще ни разу не было.

«Но очень похож, – упрямо сказала себе Лариса, переводя взгляд с Потнюка на экране видика на фотографию юного Шумилина.

И тут еще одна картина из детства, еще более далекого, всплыла в ее памяти.

Это было в ее шестом классе. Она хорошо помнит тот день, когда ее сестра Таня пришла из школы – а она училась в десятом, выпускном, – и объявила маме, что она не будет поступать после школы в институт, а поедет вместе с одноклассником в геологическую партию в Сибирь.

На маму, которая не принимала никаких идеалистических вывертов, это скорее всего несерьезное и непродуманное заявление старшей дочери произвело огромное впечатление. Она закатила жуткий скандал, и Лариса сочла благоразумным куда-нибудь смыться из дома. Именно тогда, отпросившись погулять, она встретила компанию мальчишек-одноклассников, среди которых был и Шумилин.

Они играли во дворе дома, где жил Шумилин, и сейчас трудно вспомнить по какой причине, но Лариса оказалась у них дома. Там, кстати говоря, тоже разыгрывался свой вариант семейной драмы, постылой и банальной мизансцены жизни советской семьи. Пьяный папа, с трудом пытающийся овладеть искусством речи и постоянно сбивающийся в своих сентенциях на русский народный, и толстая, брызжущая слюной мама со скалкой в руке и изображающая при появлении посторонних елейную улыбочку и максимум доброжелательности.

Но мама сейчас – побоку! Главное – папа! Она пыталась вспомнить, как же выглядит папа Шумилина, старательно оживляя в памяти картину двадцатилетней давности.

– Вполне может быть, что это и он, – задумчиво и тихо произнесла она, вглядываясь в черты лица Потнюка. – Только, кажется, голос у него был тогда не такой сиплый.

Лариса закурила и начала вспоминать все, что она знала о Шумилине… Нет, ничего не лезет в голову… В классе они общались мало, и она не могла припомнить ничего из его жизни в старших классах.

Она перемотала кассету на начало и решила, невзирая на смятение и отвращение, посмотреть фильм еще раз. Когда на экране пошли титры, она снова нажала паузу.

«Это стоит проверить!» – решила она. Обязательно!

Только, видимо, придется ждать до понедельника, когда откроется адресное бюро. Лариса выключила видик и пошла спать.

День рождения Асташевского прошел, как всегда, на высоком уровне. Спиртное лилось рекой, а кулинарию разделили между собой жена Стаса и Лариса, которая все же решила «МЯСО» кинематографическое заменить съедобным.

Кроме фаршированной утки, Асташевский получил от нее в подарок электронную записную книжку.

В понедельник, отвезя Настю в школу, Лариса сразу поехала в адресное бюро и запросила данные на Шумилина Михаила Дмитриевича. Все дело было в том, что в титрах фильма значился некий Дмитрий Ш., и вполне естественно, что, если принимать версию «Потнюк – отец Миши Шумилина», следовало, что сам Миша есть Михаил Дмитриевич.

Спустя минуту Лариса получила запрошенный ею адрес. Все совпало – год рождения, имя, отчество и даже место прописки. Ей предстояло вернуться в тот самый двор и ту самую квартиру, где она была последний раз двадцать лет назад.

Сердце ее сильно и встревоженно забилось. «Ну и дела», – подумала она. И если это так, то кинематографический павильон, где снималась вся эта грязь, должен находиться у них в городе! Это уже крайне интересно!

И в одной из главных ролей – папа ее одноклассника! Возможно, она увидит Потнюка «вживую» меньше чем через час!

И тут ей в голову пришла одна мысль. Она еще во время просмотра обратила внимание на то, что играли или непрофессионалы, или начинающие актеры. Иногда в их действиях перед камерой проскальзывала какая-то неуверенность, а некоторые сцены были, даже на дилетантский взгляд Ларисы, недостаточно эмоционально окрашены.

Ну конечно! Папа Шумилина, вне всякого сомнения, никаким профессиональным актером не является, иначе об этом в свое время знал бы весь класс и на Мишку бы показывали пальцем – «сын артиста!». Нет, что-то тут не то…

Лариса въехала на своем «Вольво» во двор, где должен был проживать Шумилин.

Она быстро вошла в подъезд и нажала кнопку вызова лифта. Уже войдя в лифт, она сквозь его полузакрытые двери увидела, что только что подошла еще одна молодая женщина. Лариса уже было хотела тормознуть двери, но что-то в облике женщины показалось ей неприятным – возможно, излишне вульгарная краска на волосах, делавшая из нее блондинку, может быть, помада… К тому же времени на размышления не было, и Лариса, не испытывая никаких угрызений совести, поехала вверх.

Выйдя на шестом этаже, она посмотрела на бумажку, выданную ей в адресном бюро, и нажала на кнопку квартиры 264.

То, что испытала Лариса после того, как дверь открылась, можно было смело назвать ШОКОМ. Тем более что это так контрастировало с общей обстановкой вокруг – будничное, серое ноябрьское утро. Но понедельник на то и существует, чтобы быть тяжелым.

Прямо как член у открывшего ей дверь мужчины. Он был абсолютно гол, и мужская гордость его была близка к тому, чтобы показать полночь или полдень. По крайней мере, без пяти двенадцать…

Мужчина уже готов был броситься на нее срывать одежды. По крайней мере, характер его движений говорил именно за это. Однако, приглядевшись повнимательнее, что перед ним совершенно незнакомая ему женщина, несколько смутился. Лариса краем глаза увидела, что его «орудие» медленно начало опускаться вниз.

Она взглянула в глубь квартиры и внезапно была огорошена тем, что прямо на нее смотрит глазок кинокамеры.

Воцарилась сцена молчания, которую прервало появление на лестничной площадке женщины, которую Лариса не подождала внизу в лифте, и еще одного мужчины из квартиры, с правильными чертами лица, тщательно уложенными волосами на голове, в черном костюме и галстуке. Он заорал на вновь прибывшую:

– Где ты шляешься, черт возьми?!

И попутно бросил Ларисе:

– Извините, пожалуйста. Это недоразумение.

На лице голого тем временем отразилось смущение, которое прекрасно подчеркивало и то, что происходило в нижней части тела. Там все сморщилось и приобрело крайне непрезен-

табельный и даже жалкий вид. Покраснев, он ретировался за спину человека с камерой, который убрал ее от лица и также воззрился на происходящее уже своими глазами.

– Михаил Шумилин здесь проживает? – спросила уже слегка пришедшая в себя Лариса.

– Да. Здесь. Но его сейчас нет, – с очень доброжелательной интонацией произнес человек в костюме. – Я вам сейчас все объясню, если вы пройдете в комнату.

И, видя замешательство Ларисы, широко улыбнулся и добавил:

– Вы не пугайтесь! Мы культурные люди, просто небольшая заминка вышла, по техническим причинам.

И он одарил девушку, которая понурила голову и прижалась к косяку двери, недобрым и полным ярости взглядом.

Лариса решила пройти. В крайнем случае она рассчитывала воспользоваться газовым перцовым баллоном, который она постоянно носила с собой в сумочке.

Ее пригласили пройти в зал. Она осмотрелась. Обычная квартира, обстановка весьма средненькая, мягкая мебель, гарнитур хоть и современный и вроде как фирменный, но недорогой.

Лариса прошла и осторожно опустилась в кресло перед журнальным столиком. Человек в костюме, а он, по всему выходило, был главным во всей этой странной компании, снова улыбнулся, присаживаясь в соседнее кресло.

«Ну, сама любезность! Надо же!» – подумала Лариса.

– Вы не волнуйтесь. Может быть, кофе выпьете или коньячку?

– Нет, спасибо… – решила воздержаться от благодеяний незнакомца Лариса.

– Ну, как хотите, – развел тот руками. – Все дело в том, что мы здесь снимаем кино. Я режиссер фильма, зовут меня Сергей Николаевич. У нас должна была быть эротическая сцена, и этим объясняется то, что тот, кто открывал вам дверь, появился в таком, как бы это сказать… неформальном виде. А чтобы было все натурально, актриса должна была появиться с улицы. Мы ее как раз ждали. Но ее опередили вы…

Лариса насторожилась и посмотрела на режиссера. А может быть, это и есть… Виталий Мороженый? Ведь наверняка это псевдоним… Хотя по его виду совершенно не скажешь, что он способен снимать вещи, подобные тому, что она купила на лотке. Скорее это тип режиссера какой-нибудь мелодрамы или телесериала про «Мелочи жизни» и еще какой-нибудь ерунды кухонно-адюльтерного плана.

– А Михаил здесь не живет, – продолжил режиссер. – Он в Москве сейчас, а квартиру мы эту снимаем. Надо же где-то работать…

Он еще раз улыбнулся. Лариса наконец полностью отошла от шока и вспомнила, зачем сюда явилась.

– А его родители? – спросила она.

– Сожалею, но ничем помочь вам не могу. Просто не знаю. Все переговоры насчет квартиры я вел с Михаилом и его маму с папой просто никогда не видел, – любезно поведал режиссер.

– Михаил здесь скоро появится?

– Боюсь, что не очень, – деланно-озабоченно ответил Сергей Николаевич. – Он постоянно в столице живет, а за квартиру он получил предоплату за три месяца, что ему здесь делать?

– Тогда прошу прощения, – Лариса встала и, поправив плащ, направилась к выходу.

– Это вы нас простите, – возразил Сергей Николаевич. – Все-таки не каждый день попадаешь в такие ситуации, как вы сегодня.

– Это точно, – Лариса даже позволила себе улыбнуться в ответ. – Творческих вам… успехов!

– Спасибо, – режиссер просто-таки расплылся в улыбке, закрывая за Ларисой дверь.

И очень резким контрастом прозвучали его же слова, обращенные, по всей видимости, к опоздавшей девушке. Их Лариса расслышала сквозь дверь, когда ждала лифт.

– Какого х… ты опаздываешь, кошелка, твою маму! Сколько можно говорить о дисциплине! Выгоню на х…, пойдешь опять на панель, с-сука!

Лариса вздохнула. Какое же обманчивое впечатление иногда может производить личность! Вроде приличный человек, а так обращается со своими подчиненными!

Но, вспомнив о том, что писали о деспотичности на съемочной площадке Джеймса Камерона, режиссера «Титаника», она решила, что это, видимо, профессиональное, и слова, которые она услышала, можно квалифицировать лишь как особые русские пряности к общемировому стандартному портрету тех людей, которые, собственно, и являются ведущими в кинопроизводстве.

Вернувшись домой, она стала думать о том, что же ей делать дальше. Михаила и его родителей как бы и след простыл. Но, в конце концов, можно сделать запрос в адресный стол на Дмитрия Шумилина!

И она второй раз за день посетила адресный стол. Поскольку отчества она не знала и год рождения поставила приблизительный, ждать ей пришлось дольше. И ответ был весьма неутешительным – восемь лет назад Шумилин Дмитрий Васильевич выписался из квартиры, где Лариса только что была, и канул в неизвестность. По данным адресного стола, в городе этот человек в настоящее время прописан не был…

Лариса не сдавалась и, привезя из школы Настю, перелистала свою старую записную книжку. Она обзвонила нескольких своих одноклассников, потратив на это около двух часов, поскольку все были удивлены, и требовалось время на рассказы о себе, дежурные расспросы о них и вопросы о Шумилине и его родителях.

Ларисе повезло: Ваня Кошечкин, который, оказывается, теперь стал кандидатом медицинских наук и работал в лаборатории противочумного института «Микроб», почему-то не удивился ее звонку, как будто они расстались вчера после уроков, и, флегматично порывшись в своей памяти, вспомнил, что он встречал Мишу Шумилина два года назад и что он собирался переезжать в Москву и заниматься каким-то бизнесом типа поставок аудиопродукции. Кроме того, он вспомнил, как зовут маму Шумилина.

И Лариса в третий раз за тот понедельник отправилась в адресный стол. Пожилая еврейка с подкрашенной сединой и усиками посмотрела на нее подозрительным, почти энкавэдэшным взглядом.

Однако Лариса с непроницаемым выражением лица сунула через окно заявку, в которой просила выдать ей адрес Шумилиной Антонины Степановны. Невозмутимо ответив на вопросы, она присела и стала ждать.

Ларисе пришлось в этот день подвергнуть свой автомобиль «Вольво» серьезным испытаниям. Мама ее одноклассника проживала в удаленном от центра районе, называемом «Молочкой» вследствие его близости к молочному комбинату, в частном секторе, куда по причине общей непрестижности района асфальтовой дорогу можно было назвать лишь с очень большой натяжкой.

Кроме того, ей пришлось преодолеть заслон в виде злой собаки и расспросов через калитку. Благодаря тому что страж двора громко лаял, диалог отличался повышенным уровнем непонимания с обеих сторон. С той стороны он усугублялся еще и возрастом, и свойственной ему бестолковостью.

Наконец калитка отворилась и перед Ларисой предстала женщина очень крупных телесных форм. Ее взгляд излучал непонятную подозрительность и недоброжелательность. На ней был домашний халат, мягко выражаясь, далеко не первой свежести.

– Антонина Степановна? – спросила как можно вежливее Лариса.

– Да… – недоуменно ответила дама в грязном халате, напряженно переваривая все вероятные причины появления у ее калитки женщины в дорогом плаще и с безукоризненно наложенной косметикой. – Да замолчи ты! Надоел!

Последние слова были адресованы дворняге, которую при очень доброжелательном отношении к собакам вообще можно было назвать овчаркой.

– Я разыскиваю вашего сына, Михаила, я его одноклассница, Лариса…

– Он здесь не живет, – быстро отреагировала Антонина Степановна. – Какая одноклассница?

Она нахмурилась, туго соображая, что ее сын никак не может сейчас учиться в школе и по этой причине никаких одноклассниц у него в принципе быть не может.

– Я знаю… Я хочу узнать, как его можно найти в Москве.

И, видя по ту сторону полное недоумение, продолжила атаку:

– И еще у меня к вам дело, касающееся вашего мужа, Дмитрия Васильевича…

– Какой он мне муж?! – резко возразила женщина. – Вам кого надо-то?

– Мне нужен прежде всего Миша. Но у меня есть информация насчет вашего мужа, – Лариса начинала терять терпение.

– Кто там? – послышался голос из глубины двора.

На улице появился тощий мужик в телогрейке с «Астрой» в зубах.

– Иди, иди! – прикрикнула на него матрона. – Это не к нам…

– А чего тогда разговариваешь, если не к нам? Закрой калитку, и все!

– Я Лариса Лаврентьева, я училась в одном классе с вашим Мишей, – очень громко и четко сказала Лариса. – Я узнала кое-что о судьбе его отца и очень хочу его видеть.

– Отца? – раздраженно спросила Антонина Степановна и вдруг взорвалась. – Какой он отец?! По пьянке накуролесил, по пьянке сел!

– Когда он сел?

– Когда-когда?! Восемь лет назад!

– И вы ничего о нем не слышали?

– Не слышала и слышать не хочу! – заорала женщина. – А вы откуда?

Взгляд ее снова стал подозрительным, и она схватилась руками за калитку, собираясь ее захлопнуть.

– У вас видеомагнитофон есть? – неожиданно спросила Лариса, решая переменить тему и одновременно сознавая всю нелепость прозвучавшего вопроса.

– Не-ет, – протянула ошарашенная Антонина Степановна.

– Как же нет? Есть! – ответил из-за ее спины тощий. – Мишка же как квартиру сдал, так все свое барахло перевез.

Он высунул свою голову через плечо матроны и уставился на Ларису бесцветными глазами.

– А вы к кому вообще? – счел он нужным тоже подключиться к расспросам.

– Короче, – Лариса окончательно была выведена из себя старшим поколением с низким образовательным уровнем, – вот кассета, на которой, возможно, изображен ваш, как я теперь понимаю, бывший муж. Мне надо, чтобы вы определили – он это или не он. И если такая возможность есть, то разрешите пройти, и мы вместе посмотрим кассету.

– Да проходите, конечно, – вдруг стал доброжелательным «грязный халат». – Только у нас не прибрано…

– Ничего, – со вздохом успокоила ее Лариса.

Ее провели через захламленную холодную прихожую и массивную деревянную дверь внутрь дома. В одной из четырех малюсеньких комнат и располагалась аппаратура и мебель Михаила. Она резко контрастировала с тем, что находилось в остальных комнатах, – трехстворчатый шкаф сталинской эпохи и грубый стол из неполированного дерева разбавлял лишь

современный цветной телевизор, да и то у Ларисы возникли подозрения, что он взят из комнаты Михаила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.